

Хоруженко Виктория Константиновна

канд. ист. наук, заведующая кафедрой истории
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Таганрог, Ростовская область

ИСТОРИК НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОБЫТИЙ 1917-1920 гг. Ю.В. ГОТЬЕ

***Аннотация:** в статье анализируется дневник известного профессора русской истории, ученика В.О. Ключевского, Юрия Владимировича Готье. Автор попытался показать, как историк в своих записках рассматривал, оценивал революцию 1917 года и годы гражданской войны, выявить личностные и профессиональные суждения о переживаемых переломных событиях эпохи.*

***Ключевые слова:** биографистика, личностное измерение истории, революция, гражданская война, большевизм, школа Ключевского.*

Современный интерес к жанру биографии, а также возникновение целого направления междисциплинарных исследований – биографистики, несомненно, играет большую роль в развитии исторических исследований, расширении познавательной территории науки.

Биография любой личности, будь это знаменитость, оказавшая серьезное влияние на ход исторического процесса, или обычный «усредненный» человек, является определенной «лакмусовой бумагой», на которой мы видим отражение исторической ситуации, любых социально-экономических, политических, культурных изменений, происходящих в государстве. Таким образом, биографию личности по праву можно считать «измерителем» социально-культурных процессов [5, с. 8].

Использование подобной «измерительной линейки» в познании драматических, переломных исторических событий особенно важно, поскольку такой метод позволяет раскрыть всю подоплеку противоречий и случайностей собы-

тий прошлого, являясь тонким звеном, связывающим события микро- и макро-истории.

Биография Юрия Владимировича Готье, ученика и последователя В.О. Ключевского, оставшегося в Советской России после революции, и уже в СССР достигшего звания академика, показательна как одна из характерных судеб людей, живших при советской власти, но не принявших ее до конца. Для современных историков изучение личности профессора важно и с источниковедческой позиции, так как Ю.В. Готье оставил после себя дневниковые записи, которые он вел с 8 июля 1917 года по 23 июля 1922 года. Для изучения такого глобального события, как Октябрьская революция, сейчас привлекается множество источников личного происхождения – дневники, письма, записки, мемуары научной и творческой интеллигенции, как сторонников, так и противников революции [1; 3; 6]. Особенно интересны те из них, которые не подвергались редактированию в советское время, содержат непосредственный отпечаток мыслей и эмоций того времени.

В этом плане дневник Ю.В. Готье бесценен, так как был передан автором за границу через знакомых, покинувших страну на «философском» пароходе, и опубликован впервые в Англии в 1988 году, в России – в 1991–1993 гг. Этот дневник является не только источником знаний об истории революции, и ее повседневности [11], но и позволяет по-новому взглянуть на личность самого историка, погруженного в гущу событий, что в корне изменило историю родной страны, изучению которой была посвящена вся его предшествующая жизнь.

Дневники Готье до сих пор малоизучены, хотя в последние десятилетия мы видим целый ряд работ о Готье и его наследии [7–10]. Нам интересен взгляд на события революции историка-профессионала. Насколько Ю.В. Готье понимал их значение? Помогли ли его знания и умения (как историка) осознать влияние этих событий на последующее развитие? Смог ли он абстрагироваться от собственных ощущений и переживаний, и посмотреть на происходящее рациональным взглядом, взглядом аналитика? Ответ на эти вопросы – еще один штрих к портрету именитого профессора.

Уже в начале записок мы видим осознание ученым своего долга, как историка – запечатлеть события настоящего. Целью написания дневника Ю.В. Готье обозначил необходимость создания исторического источника «который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем» [2, с. 14], что, собственно, оказалось предвидением важности создаваемого им документа, дающего современному исследователю «срез» эпохи.

Свои записки Готье вел не дома, по собственному признанию [2, с. 424], что сказывалось «на исправности их ведения» – не всегда запись делалась в тот же день, когда происходили те или иные события. Однако, это было правильным решением – в квартирах профессоров время от времени производились обыски, один из которых в течение полутора часов происходил 18 июля 1920 года и на квартире Готье, но чекисты ничего не нашли [2, с. 415–416].

Та часть интеллигенции, что не приняла активного участия в событиях революции 1917 года, тяжело переживала обрушившиеся на страну события, чувствуя свое бессилие что-то изменить. Записки стали для Готье способом принести хоть не большую, но пользу, утешением, что в сложившейся ситуации он не сидит «сложив руки»: «Что мог бы я сделать большего, чем писать эти горькие строки, я – профессор, специалист по русской истории? Сколько я ни думал, я не находил другого ответа, как ничего. Я не политический деятель <...>» [2, с. 17].

Историк осознавал значимость происходивших в стране событий, связанных с падением монархии, и пытался сформулировать его причины. Главной из них он называет «столетнее растление старого режима», «подточенного Николаем II» [2, с. 13]. Он пишет, что «Россия погибает» в силу внутренних причин «от своих собственных недостатков и пороков». Однако, Готье не мог в силу того, что он являлся участником событий, оценить их со стороны, найти исторические параллели происходящего, это, как писал историк, «эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории» [2, с. 14].

Маятник истории качнулся налево и, по мнению Готье, вызвал «господство сил развивавшихся в подполье и годных только для разрушения» [2, с. 13].

Надо сказать, что вина «левых сил» в событиях, с точки зрения историка, велика – это они «уже сто лет носятся с федерациями», они слишком долго «сбивали с толку несчастного русского человека» – глупого, темного, не подготовленного никакой «Республике» [2, с. 14].

Разрушители России, к которым с безразличностью относится автор дневника – это и Керенский, и Чернов, и Ленин. Особенно презрительный тон принимает описание большевиков: «Большевики – истинный символ русского народа <...> – это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены» [2, с. 14].

Готье называет русскую революцию «великой» с большим сарказмом. Он пишет, что в России «цивилизации подписан смертный приговор», «страна приходит в состояние полного первобытного варварства» [2, с. 322–323].

Мрачные мысли были вызваны страшной ситуацией осени-зимы 1919–1920 гг., сильным подорожанием продуктов и морозами, когда «мозги начинают стучаться о стенки черепа от холода» [2, с. 323]. Пессимизм ученого был связан и с трагическим событием в его жизни – после долгой болезни в конце 1919 года умерла его жена.

Тем не менее, тяжелые условия осени-зимы 1919–1920 гг., безусловно, оказывали влияние на настроения всех современников, независимо от их политических убеждений. Интересно, например, сравнить описание этих ноябрьских дней в дневнике историка-марксиста Н. Дружинина, у которого Ю.В. Готье на тот момент читал лекции на филологическом факультете Московского университета. Несмотря на то, что Дружинин работал в военном комиссариате (и, таким образом, находился в лучшем положении в плане быта), и воевал за советскую власть, его настрой был не более оптимистичен – записи пестрят следующими эпитетами «минорное настроение», «казенно-мертвое настроение» (последнее, между прочим, относилось к мероприятиям празднования годовщины Октября), «мучительное состояние», «дьявольский холод», «собачий холод» и т. д. [3, с. 130–131].

Не все историки «старой школы» были пессимистичны, как Готье. По свидетельству самого профессора, на заседании ученого совета Университета выступил Кизеветтер, который «стал доказывать, что русский народ – государственный народ, и что он воссоздаст то государство, которое он долго и упорно созидал» [2, с. 382]. Между тем, такая позиция ученого не спасла его положения из-за его членства в кадетской партии – его сначала арестовали, затем отпустили на поруки, а в ноябре 1920 года уволили из университета (но дали второй паек, по свидетельству Готье) [2, с. 431].

К сожалению, Готье не выделяет ничего из позитивных реформ большевиков. Неприязнь к ним и их деятельности наполняет страницы с начала по конец дневника. Готье именует большевиков и им сочувствующих «гориллами», «гуннами», «жидами», «идиотами» и так далее, при этом констатируя свою тенденциозность: «Мои заметки, помимо меня, приобретают характер субъективности, которой я им ранее старался не придавать. Но что же делать?» [2, с. 423].

Профессия историка давала возможность Готье видеть генетические связи событий и часто очень верно определять их будущее значение. Так, делая замечания о советско-польской войне, профессор писал: «Как русские не могли понять, что надо отпустить поляков на все четыре стороны, так теперь поляки не могут понять, что забирая западно-русские области, они в будущем открывают эру новых войн между Польшей и Россией» [2, с. 401]. Эти слова написаны очень провидчески, учитывая последующее присоединение к СССР земель восточной Польши, постоянные разногласия из-за них в годы ВОВ, после распада СССР и в настоящее время, учитывая больной «украинский вопрос».

Пессимизм при взгляде на происходящее вызывал у Готье желание покинуть Россию, выехать за границу, о чем он неоднократно пишет. Он не верил, что из «сплошного погрома, называемого русской революцией» вырастет «Доброе семя» [2, с. 423]. Однако, как справедливо указывает М. Пантыкина, исследовавшая языковой дискурс дневника, он «не содержит однозначной отсылки к эмиграции как единственно возможному варианту разрешения нако-

пившихся семейных проблем и реализации позитивных ожиданий» [8, с. 750]. Как один из вариантов смены обстановки рассматривался отъезд из Москвы. Даже побывав в Петрограде и сравнивая с ним Москву, Готье приходит к выводу, что это «в эти ужасные годы он сохранил свое значение наиболее цивилизованного из русских городов» [2, с. 408].

Между тем, Готье остался в стране и не выехал вместе с другими историками-коллегами. Может, в том числе, и потому, что понимал, что заниматься любимым делом – историей родной страны – не сможет за границей. Ведь работа в горькие годы была его отдушиной. Так, в мае 1920 года, попав в Архив Государственного Совета он писал: «Какое счастье сидеть с документами, зная, что тебя никто не потревожит и никуда не нужно спешить» [2, с. 406]. Многие историки, покинувшие Россию, либо по собственной инициативе, либо под принуждением в 1922 году, вынуждены были менять научные интересы, находясь в рамках работы с теми архивами, которые были за границей – в Софии, Праге, Париже, Ватикане. Подобная перспектива была тяжелой для Готье, ведь несмотря на свою критику России и русского народа, которой пестрят страницы дневника, Юрий Владимирович очень любил свою родину. Так, он с горечью писал, что одной из причин падения России, как великой и единой державы является «полная атрофия чувства Отечества [2, с. 14].

Наблюдение за событиями приводило Готье к неутешительным выводам. Перспективы, судьба России которые он пытался неоднократно предсказать, были неутешительны. «Россия, предаваемая во власть недоучек <...> – погибает» – писал историк. Его позитивистские представления о прошлом пошатнулись: «Случайно руль истории повернул Россию в эту сторону, случайно он мог бы повернуть ее в другую сторону. Я все более и более прихожу к заключению, что случайность, именно случайность, есть истинный двигатель истории» [2, с. 414].

К счастью, не все выводы профессора Ю.В. Готье были справедливы. Как историк, он старался определить причины, роль и значение событий революции 1917 года, но делал это с большой долей субъективизма. С другой стороны,

дневник потому и не может стать научным трудом, поскольку имеет целью фиксацию личных переживаний. Тем не менее, взгляд Готье на события все-таки отразил его профессиональную и социальную принадлежность. Некоторые исследователи сравнивают позицию Готье со взглядами авторов сборника «Из глубины» [4]. Действительно, параллели в их взглядах на русскую революцию очевидны. Однако П.И. Новгородцев писал как философ, А.С. Изгоев как литератор, П.Б. Струве как политик. Заметки Ю.В. Готье отличаются скрупулезностью, внимание к фиксации мелочей, попытка сделать анализ описываемых событий с позиции историзма, что делает их уникальным источником как об истории революции, так и о самой личности автора.

Список литературы

1. Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. – М.: Интелвак, 1999. – Кн. 2. – 718 с.
2. Готье Ю.В. Мои заметки. – М.: Терра, 1997. – 588 с.
3. Дневник Н.М. Дружинина // Вопросы истории. – 1996. – №4. – С. 112–134.
4. Вехи. Из глубины: сборник / Ин-т общественной мысли; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н.И. Канищева. – М.: Российская политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 599 с.
5. Иконникова С.Н. Биографика как часть исторической культурологии // Вестник СпбГУКИ. – 2012. – №2 (11). – С. 6–10.
6. Неизданный В.Г. Короленко: публицистика, письма, дневники, записные книжки: в 2 т. / предисл., публ., сост., коммент. Т.М. Макагоновой, И.Т. Пяттвоевой; Рос. гос. б-ка, НИО рукописей. – М.: Пашков дом, 2013. – Т. 1. – 351 с.
7. Мандрик М.В. Юрий Владимирович Готье, 1873–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – СПб., 2000. – 302 с.
8. Пантыкина М. Сценарии политической жизни 1917–1922 гг. в дневнике Ю.В. Готье: опыт когнитивно-дискурсивного анализа // Quaestio Rossica. – 2018. – Т. 6. – №3. – С. 742–756.

9. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – 320 с.

10. Шарапов Ю.П. Читая дневник Ю. Готье // Вопросы истории. – 1993. – №4. – С. 106–125.

11. Шеуджен Э.А. 1917 г. Заметки Ю.В. Готье: к истории повседневности // Диалоги с прошлым. – 2000. – №1. – С. 5–10.